

Хуань Тун отнес Линь Цинюй в комнату и положил его на луохань. Затем Линь Цинюй попросил его достать из шкафа коробочку для лекарств и поискать лекарство от ушибов и растяжений. Линь Цинюй испытывал такую сильную боль, что его прошиб холодный пот. Хуа Лу с тревогой спросила: «Может, мне пойти поискать лекаря для шаоцзюня?»

Хуань Тун снял туфлю Линь Цинюй, и сказал: «Что за чушь ты несешь? Молодой хозяин моей семьи лучший лекарь из всех».

Линь Цинюй вылил зелье на ладонь и потер ею растянутую часть. Легкий лекарственный аромат поплыл по комнате.

Хуа Лу сказала: «Шаоцзюнь, мне помочь вам растереть больное место? Я умею делать массаж».

Терпя боль, Линь Цинюй сказал: «Не нужно. Иди и принеси таз с колодезной водой. Затем смочи в нем носовой платок. После лекарства мне нужно приложить холодный компресс на полчаса».

Линь Цинюй потер поврежденную часть. Затем он вдруг почувствовал, что в комнате стало слишком тихо. Где человек, который говорил больше всех?

Линь Цинюй поднял голову и увидел сидящего за столом Лу Ваньчэна; выражение его лица было мрачным и несчастным.

Думая о том, как Лу Ваньчэн чуть не упал, Линь Цинюй спросил его: «У тебя есть какие-нибудь травмы?»

Лу Ваньчэн покачал головой и сказал: «С твоей травмой все в порядке?»

«Ничего серьезного. Все будет хорошо после трехдневного отдыха».

Лу Ваньчэн улыбнулся.

«Это хорошо».

Линь Цинюй глухо сказал: «Первоначально мне нужно было всего два дня отдыха после растяжения. Но потом ты чуть не уронил меня...»

Лу Ваньчэн спрятал лицо, чувствуя боль.

«Не говори этого. Это моя вина».

Чтобы загладить свою вину, Лу Ваньчэн великодушно уступил Линь Цинюй свое инвалидное кресло. Однако Линь Цинюй не оценил этого жеста. Он просто попросил Хуань Туна всегда быть рядом. Все, что ему было нужно, мог принести Хуань Тун. Когда он не мог избежать прогулок, то просил Хуань Туна поддержать его во время ходьбы.

Хуа Лу ждала, пока Лу Ваньчэн выпьет лекарство, когда заметила Линь Цинюя. Тот медленно шел, положив одну руку на стол, а Хуань Тун поддерживал его с другой стороны. На нем был простой белый халат, длинные волосы падали на плечи, а брови слегка нахмурены. Его образ вызвал жалость в сердце маленькой девочки Хуа Лу.

Лу Ваньчэн спросил, растягивая слова: «Хорошо выглядит?»

Честная Хуа Лу кивнула.

«Хорошо! Раненый шаоцзюнь выглядит не так, как обычно».

Лу Ваньчэн посмотрел на Линь Цинюя и одним глотком выпил ужасно горькое лекарство.

«Это называется „красивый человек, пострадавший в сражении“».

Как только наступила ночь, Линь Цинюй лежал на луохане и, как обычно, читал. Время от времени на большой кровати за ширмой слышались звуки переворачивающегося тела. Из-за шума Линь Цинюй не мог спокойно читать. Обычно в это время Лу Ваньчэн уже спал бы мертвым сном. Он не знал, что с ним случилось сегодня.

Услышав еще один вздох, Линь Цинюй спросил: «Молодой мастер Хоу, равнодушный к славе и богатству, не принимающий во внимание успех или неудачи, что могло заставить вас хмуриться от беспокойства и так долго вздыхать поздно ночью?»

После некоторого молчания на экране появилась фигура медленно садящегося Лу Ваньчэна. Несчастливым и опустошенным тоном он сказал: «Твою мать, я даже не могу... нести тебя на руках?»

Линь Цинюй: «...» Лу Ваньчэн потерял сон из-за таких вещей?

Лу Ваньчэн тихо сказал: «Это страшнее, чем история о привидениях».

Эти слова пробудили любопытство Линь Цинюя.

«Откуда у тебя такая уверенность, что ты можешь удержать меня?»

Лу Ваньчэн не мог понять: «У тебя такая тонкая талия. Ты определенно не так много вешишь. Как я мог не удержать тебя?»

Линь Цинюй не желал беспокоиться о необъяснимом эго Лу Ваньчэна. Он откровенно сказал: «С твоим телом даже просто слишком долгая ходьба заставляет тебя задыхаться. Хуа Лу сильнее тебя. Молодой мастер Хоу, люди должны знать свои пределы*».

[Примечание: 自知知明 yǒu zìzhī zhī míng - знать самого себя; иметь самопознание; разобраться в себе самом, знать своё место.]

«Это приводит в бешенство. — Лу Ваньчэн несколько раз ударил по кровати. — Даже Хуань Тун может это сделать, но я не могу?»

«Хуань Тун много лет выполнял тяжелую работу. Как ты думаешь, в каком аспекте ты можешь сравниться с ним?»

Лу Ваньчэн сердито встал с кровати, накинул на плечи мантию из лисьего меха и вышел из-за ширмы.

«Я выше его».

Линь Цинюй отложил книгу и посмотрел на него.

«Молодой мастер Хоу».

«Что?»

Линь Цинюй прекрасно подражал тону Лу Ваньчэна: «Будь мужчиной, старайся меньше сравнивать себя с другими».

Лу Ваньчэн на мгновение растерялся, не находя слов, он замолчал. При виде его побежденного выражения лица губы Линь Цинюй невольно изогнулись.

На самом деле Линь Цинюй много улыбался, но большую часть времени это была горькая улыбка или насмешка. Это был первый раз, когда Лу Ваньчэн увидел его с такой улыбкой.

При тусклом свете Линь Цинюй полулежал на луохане, держа книгу в руке. Длинные пряди волос, лежали у него на груди, стряхнув всю настороженность и безразличие, Линь Цинюй улыбался, спокойно наблюдая за ним.

Лу Ваньчэн внезапно понял, что подразумевалось под словами «красота в костях, а не в

коже*». Он понизил голос, боясь потревожить Линь Цинью: «Тебе все еще больно?»

[Примечание: Источником этого предложения является понимание, выраженное писателем династии Мин Фэн Мэнлуном в его «Словах для пробуждения мира»: «Красивые кости редки в мире. Те, у кого есть кости, но нет кожи, и те, у кого есть кожа, но нет костей. У большинства людей в мире простые веки, только кожа и никаких костей». С тех пор красота костей и красота кожи стали критериями для оценки того, действительно ли человек красив или фальшивый. Красота костей (телосложение, комплекция) – это интригующая красавица. Хотя она была опустошена ветром и дождем, она не изменила своему темпераменту и обаянию. Пример, Одри Хепберн. Красота кожи (наружность, внешний вид) – это поверхностно красивые женщины. Когда она была молода, она была прекрасна, как цветок, но она не выдержала испытания длительным наблюдением и годами. С потерей коллагена ее лицо быстро потеряло привлекательность, и ее красота исчезла. Например, Мэрилин Монро.]

Линь Цинью снова переключил свое внимание на книгу.

«Все в порядке».

Лу Ваньчэн сел на край луоханя и сказал: «Теперь ты тоже пациент. Ложись на кровать и спи».

Линь Цинью подумал, что Лу Ваньчэн собирается поменяться с ним; он получит кровать, а Лу Ваньчэн будет спать на луохане.

«Нет, твоя болезнь серьезнее моей».

Лу Ваньчэн совершенно естественно сказал: «Тогда я тоже буду спать на кровати».

Кончик пальца Линь Цинью остановился. Он решительно отказался: «Нет».

«Никто из нас не гей, чего ты боишься?»

Линь Цинью спокойно перевернул страницу.

«Я боюсь, что ты придавишь мои волосы*».

[Примечание: Более буквальным переводом было бы «Ты собираешься погладить меня по волосам». Это не мем, но если вы поищете в Интернете, то обнаружите удивительное количество людей, которые спрашивали, что это значит. По-видимому, (в Китае) многие девушки (в наше время) говорят это своему парню/мужу в постели. Они говорят это так часто, что это своего рода шутка, что «Ты придавишь мои волосы» на самом деле говорят чаще в постели, чем «Я люблю тебя». Когда кто-то нечаянно придавливает кому-то волосы, особенно в постели, когда спит или обнимается, причиняя боль.]

Лу Ваньчэн никогда не ожидал, что Линь Цинью воспользуется этим предлогом, чтобы отвергнуть его. Он не мог сдержать улыбки, когда сказал: «Но ты никогда не делил со мной постель. Почему ты думаешь, что я придавлю твои волосы?»

«Потому что твоя поза во сне ужасна».

«Тогда все равно попробуй спать со мной. Ты узнаешь, только если попробуешь».

«Я не хочу».

Лу Ваньчэн обвинил: «Ты слишком далеко зашел. Ты не можешь смешивать воображаемого меня с реальным мной...»

Линь Цинью поднял глаза, чтобы посмотреть на него, притворяясь холодным и строгим, он сказал: «Молодой мастер Хоу, если ты продолжишь говорить глупости, я могу лишить тебя возможности сказать хоть слово в течение трех дней. Ты веришь в это или нет?»

«Я верю тебе, я верю тебе. Почему бы мне не верить тебе? — Лу Ваньчэн вернулся, чтобы лечь в постель, но продолжал тихо ругаться: — Ты жестокий красавчик*, осмелившийся напасть даже на наследного принца. Что есть такого, чего ты не можешь сделать?»

[Примечание: 色色 shé xiè měi rén — относится к порочной и эффектной женщине. Например: «У нее красивая внешность, но жестокие методы. Она - роковая женщина».]

Новость о травме Линь Цинью достигла ушей Лян Ши. Для видимости заботы она послала служанку узнать о его состоянии. Также в Павильон Голубого Ветра пришла незнакомая служанка, которая передала Линь Цинью несколько лекарственных пластырей. Она сказала, что это был секретный рецепт, передающийся в семье их Иньян*, и что он чудесно действовал на растяжения.

[Примечание: Обращение к наложнице отца.]

Линь Цинью спросил: «Твоя Иньян?»

«Это Пань Иньян из Павильона Спящей Луны*, — сказала служанка с улыбкой. — Шаоцзюнь ее еще не видел».

[Примечание: 睡睡 Пока оставлю «Павильон Спящей Луны». Это явно тип помещения или здания, но название может корректироваться. Если есть желание помочь, пишите.]

Среди богатых семей столицы внутренний двор Наньань Хоу считался довольно скромным. Кроме жены, у Наньань Хоу было всего две-три наложницы. Лян Ши управляла ими должным

образом, и наложницы знали свое место. Хотя Линь Цинюй был шаоцзюнем, он все же был мужчиной. Существуют различия между полами, и, кроме как во время празднования Нового года, он обычно не встречается с этими наложницами.

Линь Цинюй понюхал целебную мазь. Это действительно был хороший лекарственный пластырь, но он и Пань Иньян были совершенно незнакомы, и он не хотел быть обязанным за эту услугу.

Линь Цинюй уже собирался отказаться, когда Лу Ваньчэн вышел из внутреннего зала и сказал за него: «Ты можешь оставить лекарство. Поблагодари Пань Иньян за нас».

Поскольку вокруг были посторонние, Линь Цинюй ничего не сказал. Когда служанка ушла, не дожидаясь вопроса Линь Цинюй, Лу Ваньчэн сказал: «У Пань Иньян нет дурных намерений. Она робкая и честная. Ты можешь дать ей сохранить лицо - и, возможно, в будущем она присоединится к твоему лагерю».

Линь Цинюй спросил: «Молодой мастер Хоу никогда раньше не интересовался делами внутреннего двора. Как ты можешь знать, кто хороший, а кто плохой?»

В своем ответе Лу Ваньчэн смешал правду и ложь: «Потому что я, как учитель нации Даюй, могу читать по звездам и предсказывать будущее».

«...»

Линь Цинюй уже некоторое время был женат и знал, что, хотя Лу Ваньчэн выглядел ненадежным, он не желал ему зла. Среди сотен людей в резиденции Наньянь Хоу только Лу Ваньчэн едва ли был достоин доверия. Как он мог не хотеть мирно поладить с Лу Ваньчэном? Но... Лу Ваньчэн мог оставаться серьезным только в течение трех минут, прежде чем его необъяснимая дурная привычка делать безответственные замечания подняла голову!

«Тогда иди и почитай звезды, — равнодушно сказал Линь Цинюй, — и перестань меня раздражать».

Лу Ваньчэн просто притворился, что не слышал, как Линь Цинюй указал ему на дверь. Он возился с пластырем, присланным Пань Иньян, и сказал: «Ты помнишь сумку для иглоукалывания, которую я хотел отдать тебе, но был безжалостно отвергнут? Это свадебный подарок от Пань Иньян, и она сама ее сшила».

Линь Цинюй был немного удивлен.

«Действительно?»

Были ли неоднократные выражения доброй воли Пань Ши* просто выражением ее добрых

намерений, или у нее были скрытые мотивы?

[Примечание: «Ши» здесь и «Ши» в «Лян Ши» происходят от слова 氏, которое означает «клан» или «семья». У замужних женщин он используется для обозначения их девичьей фамилии. Типа «урожденная» по-английски.]

Линь Циньюй размышлял над этим вопросом, когда кто-то внезапно схватил его за лодыжку и приподнял ее. Он встретился взглядом с Лу Ваньчэном, и растерянно спросил: «Что ты делаешь?»

«Помогаю тебе наклеить пластырь».

Линь Циньюй слабо сопротивлялся: «Не нужно, отпусти».

Лу Ваньчэн придержал его за лодыжку, чтобы тот не двигался, и с улыбкой сказал: «Не нужно быть вежливым. У меня отличные навыки наклеивания пластырей, и я гарантирую, что красиво наклею его».

«Отстань от меня».

Линь Циньюй использовал только семьдесят процентов своей силы и легко вырвался из хватки Лу Ваньчэна. При поддержке Хуань Туна он зашагал прочь.

Лу Ваньчэн посмотрел на свою руку, обида заполнила глаза, а на его лице появилось выражение, как будто он вот-вот задохнется.

Растяжение связок Линь Циньюй зажило после трех дней восстановления. Лу Ваньчэн устал слушать пение птиц и неизвестно откуда достал майну*. Бесконечная болтовня, когда он брался за бессмысленную задачу научить птицу говорить, очень раздражала. Линь Циньюй вывел Хуань Туна из Павильона Голубого Ветра и, воспользовавшись хорошей весенней погодой, нашел открытое место в саду и начал раскладывать лекарственные травы для просушки.

[Примечание: Майна, Саранчовый скворец. <https://www.youtube.com/watch?v=OjEGvbG5l4M>]

Хуань Тун разложил лекарственные травы одну за другой и спросил: «Молодой мастер, внутренний двор Павильона Голубого Ветра такой большой, и там тоже достаточно солнца, почему бы нам не высушить травы там?»

Линь Циньюй сказал: «Слишком шумно, слишком много птиц».

Хуань Тун ухмыльнулся.

«Но... вы – моя невестка. — Лу Няньтао на некоторое время задумалась. — Или мне следует называть вас Линь гэгэ?»

Линь Циньюй нашел оба обращения отвратительными. Линь Циньюй на мгновение заколебался и решил выбрать меньшее из двух зол: «Тогда ты должна называть меня невесткой».

[Примечание: Лу Няньтао использует Dàsǎo: 1) жена старшего брата; невестка. 2) сестрица; тётушка (обращение к замужней женщине), поэтому ЛЦЮ не нравится.]

Лу Няньтао мягко сказала: «Да. — Она увидела лекарственные материалы позади Линь Циньюй и спросила: — Невестка, вы сушите лекарства?»

«Угу».

Сердце Лу Няньтао дрогнуло.

«Может быть, это для старшего брата?»

Все эти травы были лекарственными ингредиентами, перечисленными в рецепте его отца. Выписывать рецепты было чрезвычайно сложно, и к каждому лекарственному материалу предъявлялись свои строгие требования. Чтобы закончить составление лекарства, с момента выдачи потребуется по меньшей мере больше месяца. Он потратил так много времени и энергии на приготовление этого лекарства, но делал это просто ради практики. Конечно, если Лу Ваньчэн захочет попробовать это лекарство, как только оно будет готово, это не было невозможно.

Линь Циньюй не ответил, и Лу Няньтао восприняла его молчание как подтверждение.

«С самого детства за здоровье старшего брата отвечает лекарь Чжан. Именно лекарь Чжан имеет решающее слово в том, какое лекарство он принимает».

Терпение Линь Циньюй уже иссякло: «Что ты хочешь сказать?»

«Невестка, не поймите меня неправильно! — Лу Няньтао казалась немного встревоженной. — Я знаю, что невестка заботится о старшем брате и хочет, чтобы ему поскорее стало лучше. Просто тело старшего брата очень ценно, нельзя допускать ни капли небрежности. Даже если невестка родилась в известной семье медицинских экспертов, если вы хотите, чтобы старший брат принимал это лекарство, было бы лучше сначала поговорить с лекарем Чжаном».

Хуань Тун с несчастным видом сказал: «Вторая юная леди, молодой мастер моей семьи не только уже получил наставления Мастера, но и стал учеником гениального лекаря. С точки зрения медицинских навыков, этот лекарь Чжан, возможно, не так хорош, как...»

Линь Цинюй почувствовал, что что-то не так, и перебил: «Хуань Тун».

Хуань Тун обиженно закрыл рот.

Линь Цинюй сказал: «Это лекарство не для молодого мастера Хоу, вторая леди зря тревожится».

«Не для старшего брата? Это...»

«Уже поздно. — Линь Цинюй пропустил ее слова мимо ушей. — Хуань Тун, собирайся, мы возвращаемся в Павильон Голубого Ветра».

Когда Линь Цинюй вернулся в Павильон Голубого Ветра, новая любимица Лу Ваньчэна, майна, уже научилась приветствовать людей. Лу Ваньчэн кружил вокруг Линь Цинюй с птицей в клетке. И человек, и птица продолжали кричать «лекарь Линь, лекарь Линь». Линь Цинюй хотел отравить их обоих.

Линь Цинюй пригрозил: «Если ты снова будешь беспокоить меня своей птицей, я убью ее и сварю в супе».

«Жестокий лекарь Линь. — Лу Ваньчэн передал птичью клетку Хуа Лу, жестом приказав ей вынести птицу. — Ты такой свирепый, какая девушка выйдет за тебя замуж, когда меня не станет?»

Линь Цинюй холодно сказал: «Молодому мастеру Хоу не нужно беспокоиться об этом. Я обязательно женюсь на хорошем человеке, и во время фестиваля Цинминь* приведу свою жену на могилу молодого мастера Хоу».

[Примечание: Традиционный китайский праздник поминовения усопших.]

Лу Ваньчэн улыбнулся и сказал: «Тогда ты должен помнить, что нужно сжечь много бумажных денег. Боюсь, внизу мне будет не хватать денег».

«Конечно».

После того как они договорились сжечь бумажные деньги на его могиле, Линь Цинюй перешел к обсуждению реальных дел и рассказал Лу Ваньчэну о встрече с Лу Няньтао в саду.

«Лу Няньтао неоднократно приходила к тебе, но ты каждый раз избегал ее, используя разные причины. Что тебе известно?»

«Разве я тебе не говорил? Я много чего знаю».

На столе лежали только высушенные лекарственные материалы Линь Цинюй. Увидев что-то новое, Лу Ваньчэн, как невежественный человек любивший прикасаться к вещам, к которым прикасаться не следует, схватил пучок трав. Линь Цинюй шлепнул его по руке.

«Это тоже то, что тебе сказали „звезды“?»

«Да. — Лу Ваньчэн подул на тыльную сторону своей покрасневшей руки. — Звезды говорят, что она нехороший человек, так что просто игнорируй ее».

Линь Цинюй задумчиво сказал: «Я понимаю».

Автору есть что сказать:

Однажды Линь Цинюй посмотрел на заснувшего на его подушке мужчину и вздохнул.

«Как и ожидалось, он придавил мои волосы».

<http://bllate.org/book/15122/1336626>